

УДК 1(091) + 17

ЧТЕНИЕ КНИГ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ

А. В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)
markovius@gmail.com

О. А. Штайн (Братина)

Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
shtaynshtayn@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается философия справедливости как возможность реализации коллективной автокоммуникации. Психоанализ помогает обогатить философию справедливости, связав исследование реакций на внутренние состояния и на внешние социальные ситуации понятием автокоммуникации. Включение в понятийно-категориальный аппарат экономики (ресурс, капитал) психоаналитических дефиниций (желание) позволяет анализировать процесс перехода вопросов социального равенства и справедливого распределения из области этики в расширенную версию социальной игры, включающей читательский опыт. Критически рассматривается позиция Амарты Сена, который конструирует особое поле читательского потребления, одновременно сценическое и способствующее накоплению социального опыта, а не просто его публичной манифестации. Предлагается рассматривать чтение как желание использовать ограниченный материальный или эмоциональный ресурс, актуализуя фантазию как проявление избытка и как автокоммуникацию, встречу с собой как субъектом фантазирования. Избыточная коммуникация расширяет понятия ответственности справедливости, обращая читателя в зеркало автокоммуникации.

Ключевые слова: справедливость, чтение, аффект, социальное моделирование, автокоммуникация, читательский опыт.

Для цитирования: Марков, А. В., Штайн, О. А. (2024). Чтение книг как предмет философии справедливости. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 1. С. 51-60. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.51-60

READING BOOKS AS A SUBJECT OF PHILOSOPHY OF JUSTICE

A. V. Markov

Russian State University for the Humanities (Moscow)
markovius@gmail.com

O. A. Shtayn (Bratina)

Ural Federal University (Ekaterinburg)
shtaynshtayn@gmail.com

Abstract. The article considers the philosophy of justice as a possibility of realization of collective autocommunication. Psychoanalysis helps to enrich the philosophy of justice by linking the study of reactions to internal states and to external social situations by the concept of autocommunication. The incorporation of psychoanalytic definitions (desire) into the conceptual-categorical apparatus of economics (resource, capital) allows us to analyze the process of transition of issues of social equality and fair distribution from the field of ethics to an extended version of the social game that includes reading experience. The position of Amartya Sen,

who constructs a particular field of readerly consumption that is both scenic and conducive to the accumulation of social experience rather than simply its public manifestation, is critically examined. It is suggested that reading should be seen as a desire to use a limited material or emotional resource, actualizing fantasy as a manifestation of excess and as an autocommunication, an encounter with the self as the subject of fantasization. Surplus communication expands notions of the responsibility of justice by turning the reader into a mirror of autocommunication.

Keywords: justice, reading, affect, social modeling, autocommunication, reading experience.

For citation: Markov, A. V., Shtayn, O. A. (2024). Reading Books as a Subject of the Philosophy of Justice. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 1. Pp. 51-60. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.51-60

В простых изложениях философия справедливости занимается вопросами об уже созданных вещах или ценностях. Например, вопрос о том, справедливо ли равное распределение или распределение по заслугам, подразумевает работу с уже созданными вещами, имеющими цену. Аффекты и любое нарративное сопровождение тогда только следует за вещами. Даже если мы усложняем схему и вводим фактор времени, например, требуя учитывать не только прошлые, но и будущие заслуги при справедливом распределении, допустим, готовность человека к поступку, не меняется общая предпосылка: ценные вещи уже появились полностью, вопрос стоит только в том, как их распределить. И практическая сторона этих вещей, и эмоциональная, и варианты вовлечения этих вещей в социальную жизнь – это только следствие начальной ситуации.

Но современные теории справедливости исходят из того, что эмоция или аффект не могут рассматриваться только как последствие. В этом они сходятся с новой риторикой во французской теории, где тоже слово не понимается только как следующее за вещью, как знак, но напротив, как часть конструкции, определяющей степень пластичности или фантазийности реальности. Авторы статьи обращаются к трудам Барбары Кассен [Кассен, 2000; Европейский словарь философий..., 2015], исследуя природу эмоции и аффекта с помощью понятия о риторико-политической пересборке реальности, которая разворачивается в некоторых конструктивных рамках или моделях публичной философской речи. Обращение к работам Марты Нуссбаум [Нуссбаум, 2014; Нуссбаум, 2023] обусловлено выявленным ей в структуре аффекта потенциалом рационализации, который, по сути, предстает социальным опытом. Вопрос о справедливости продолжает ее коллега, один из крупнейших экономистов мира, Нобелевский лауреат Амартия Сен [Сен, 2004; Сен, 2016]. Сен ставит вопрос [Sen, 2009, pp. 309–311; Сен, 2016, с. 397-399] о возможном справедливом распределении не только продукта, но и некоторого орудия, например, книги, которую надо прочесть. Распределяемый экономически предмет можно рассматривать через принцип реальности (процедурные обязательства прочтения) и принцип удовольствия (желание, отсрочка и удовлетворение от чтения).

В философском проекте Б. Кассен пересборка реальности словом основана на интуициях эротичности, пластического вымысла, софистической провокации и др., что позволяет по-новому написать историю гуманитарных наук, начиная с античности, и вписать психоанализ в эту историю. Эта пересборка вовсе не означает создания иллюзий, но, скорее, это есть экспериментирование с нашими привычками и последовательностями в концептуализации окружающего мира. Внесение страсти, интереса, недоумения и прочих

аффектов в привычные порядки концептуализаций и обобщений позволяет сблизить философию и риторику и тем самым показать, что порядок взаимодействия с миром может начаться и из другой точки, дающей более «пластические» и уверенные результаты при встраивании субъектом себя в познаваемый мир.

В этой статье мы рассматриваем проект философии справедливости, который связан с именем Марты Нуссбаум, и значение которого выходит далеко за рамки специализированных этических дискуссий. Нуссбаум переосмысляет, в отличие от Кассен, саму природу аффекта, не сводя его к некоторым как бы сценическим или литературным открытым стратегиям, но исследуя рациональную составляющую внутри него самого. Аффект не может быть сведен только к способу его развертывания, в нем всегда есть та рациональность, которая и позволяет нам воспринимать аффект другого и создавать те ситуации, в которых мы понимаем интерес другого. Аффект поэтому может быть отделен от вещи, перестать ее сопровождать, просто потому что он может смоделировать ту ситуацию, в которой вещь есть, и в которой мы знаем, как она распределена. Например, спектакль доставил радость зрителям – мы можем говорить, что это эффект самой актерской игры, но также вполне можем сказать, что это часть взаимодействия зрителей в ожидании и процессе спектакля, их начальный способ отнестись к спектаклю.

Конечно, плохой спектакль не порадовал бы зрителей – неувязки в игре разрушили бы само строение аффекта. Но если зритель приходит, чтобы видеть себя на сцене, встретиться с собой, каким он еще не был, вообще, если ожидания зрителя соответствуют какой-либо рациональной оценке своего положения, то тогда аффект нельзя свести просто к действенности спектакля. Современные нейронауки открывают все больше таких рациональных оценок, присущих процедурам узнавания или выбора впечатлений. Но существенно то, что даже просто принятие спектакля как спектакля уже подразумевает ту структуру аффектов, которая вполне состоялась как часть форматирования этой реальности, последовательного ее восприятия, тогда как восторг после спектакля скорее может быть восторгом от удачного форматирования, которому режиссерские и актерские удачи придали длительность или напряженность, поместили в определенный коридор дальнейшего устойчивого переживания.

Мы рассматриваем один эпизод из книги Амартии Сена [Сен, 2016, с. 397-399]. Сен – американец индийского происхождения, Нобелевский лауреат, мировой экономист, много общался с Мартой Нуссбаум и воспринял от нее постановку вопроса о справедливости. Он и ставит вопрос о том, как можно говорить о справедливом распределении, если распределяется не продукт, а некоторое орудие, например, книга, которую надо прочесть. Распределяется предмет, связывающий процедурными обязательствами, такими как процедуры чтения. Понятно, что к этому связыванию уже не применимы экономические теоремы, имеющие в виду свободное (или как бы свободное) поведение потребителя. Соответствующий параграф в английском оригинале называется «The impossibility of the paretian liberal» [Sen, 2009, pp. 309-311], и удивительным образом эпизод с чтением не получил серьезного обсуждения ни в экономической, ни в философской литературе, хотя он и был канонизирован даже в кратком изложении позиции Сена [Meeks, 2017, p. 1065], как один из способов говорить о правовых перспективах в экономике.

Внутри правового поля, хотя бы и обозначенного как социальное, и находятся все найденные нами обсуждения модели Сена о невозможности либерала по Парето. Так, Элизабет Андерсон говорит [Anderson, 2005, p. 255] о неизбежной догматической предпосылке мысли Сена, а именно принудительности контракта, как официального, так и неофициального, иначе говоря, о неизбежной деформации в его модели социального поля экономическим правом. Тору Ямамори [Yamamori, 2018, p. 389] тоже находит у Сена некоторый догмат, а именно учение об институтах как удовлетворении потребностей и нужд, что вполне подходит для экономических институтов, но не для институтов социального согласия. Этих двух примеров достаточно, чтобы указать, что для этической философии мысль Сена догматична. Но также следует признать, что ни принудительный контракт, ни служение институтов общественным нуждам не противоречат ни одному из положений философии Марты Нуссбаум, главного собеседника Сена, которая как раз настаивает в одной из главных своих книг о принудительности в том числе политического контракта, как основанного на рациональной эмпатии [Нуссбаум, 2023], а в другой своей книге [Нуссбаум, 2014] так же настаивает на образовательном институте, как удовлетворяющем максимум потребностей и нужд.

Привычные дилеммы как экономической, так и социальной жизни, такие как *дилемма заключенного*, не учитывают доли участия в деле (преступлении или доносе, в случае дилеммы заключенного), т. е. тех степеней выбора, которые были до того, как заключенные встали перед этой дилеммой. Но в центре внимания Сена находится принцип Парето, т. е. принцип экономии ресурсов, который возникает при функционировании любой сколь-либо сложной системы. Принцип Парето наблюдается и в живой природе, и в технике, и в общественных отношениях: процессы, которые обеспечивают реальную результативность производства, более редки (более сложны или более громоздки), чем процессы, которые составляют эту результативность, осуществляются внутри нее. Принцип Парето известен часто как принцип 20/80: 20 % действующих лиц выполняют 80 % работы и наоборот.

О принципе Парето можно много говорить, если мыслить аффект следствием ситуации; тогда поневоле он будет встроен в ту рамку, которая не относится к природе процессов: рамку морального негодования, бытового социологического интереса или согласия с текущей ситуацией вокруг нас. Но если мыслить аффект как сопровождение процесса, иногда ему предшествующее, то даже в случае работы механизмов или вообще какой-либо замкнутой наблюдаемой системы, мы увидим, что он относится не к тому, к чему мы его относили изначально. Он говорит не о скорости процессов, а о скорости обработки процессов, т. е. скорости, с которой процессы фиксируются как законченные и встраиваемые в систему. Мы не можем сразу постичь все взаимосвязи процессов, но видим, что здесь колесо повернулось, или же оно привело в движение другое колесо, т. е. именно эти фиксации системы, ее самопредъявление, и оказываются предметом принципа Парето, а не сами скорости протекания взаимодействий, которые могут быть вполне распределенными и потому не доступными непротиворечивому наблюдению, если мы наблюдаем за каждым узлом отдельно.

Если мы перейдем к этическому вопросу о справедливом и несправедливом чтении, то Сен создает на указанных страницах такую модель. Дана книга, которая официально признается сомнительной, и есть два читателя: Ханжа (*Prude* оригинала лучше было бы

перевести как «скромник»), который заведомо осудит книгу, и Распутник (*Lewd*, в оригинале более сильное слово, что-то вроде «похотливец»), который заведомо одобрит книгу. Из этой модели Сен делает далеко идущий вывод о несовместимости принципа Парето, подразумевающего установление баланса распределения из каких-то априорных мировых данностей и либерального принципа, в котором свобода, в том числе читательская свобода, не просто отстаивается, но фиксируется и предьявляется.

В модели Сен происходит следующее: Ханжа заинтересован в том, чтобы не прочесть книгу самому, но еще больше заинтересован в том, чтобы книгу не читал Распутник. По всей видимости, заметим сразу, в первом случае он думает о личной ответственности каждого, а во втором – о своей социальной ответственности, т. е. создает режим аффективных ожиданий, который подразумевает, что любое его разрушение будет разрушением и его порядков ответственности. Также Распутник заинтересован в том, чтобы прочесть книгу, но еще больше он заинтересован в том, чтобы ее прочел Ханжа. Здесь тоже мы скажем о режиме аффективных ожиданий: Распутнику нужно, чтобы все читали вольные книги, тогда как любая уступка Ханжи своему ханжеству будет угрозой порядкам наслаждения.

При этом Сен признает, не то, шутя, не то серьезно, что Ханжа обеспокоен тем, какое большое удовольствие Распутник получит от книги, а Распутник захвачен тем, чтобы Ханжа страдал, читая книгу, и тем самым не мог уступить ханжеству. Т. е. аффект всякий раз не позволяет человеку уступать каким-либо принципам: просто Распутник заведомо не уступает принципам, тогда как Ханжа должен быть введен в искусственную ситуацию, где как его принципы, так и его аффективные свойства будут подвергаться постоянному испытанию, не позволяющему ему проявить ханжество.

Но, получается, говорит Сен, что невозможно обеспечить распределение по Парето просто потому, что мотивации читать и не читать различны. Если брать обоих участников изолировано, то Распутник больше хочет, чтобы книгу прочел Ханжа, но и Ханжа больше хочет прочесть книгу сам, чтобы она не досталась Распутнику, чтобы он прочитал ее как цензор, устанавливающий дальнейшую норму невыдачи книги. Принцип Парето подразумевал бы удовлетворение желаний, пусть даже путем уступок. Но удовлетворение желания читать или не читать книгу оказывается в противоречии с желаниями Распутника и Ханжи относительно другого. Распутник не хочет читать книгу, если ее не прочтет Ханжа: у Распутника достаточно книг, приносящих ему удовольствие, ему важно заблокировать цензурные намерения Ханжи. Но и Ханжа не хочет, чтобы Распутник читал книгу. Обе стороны заинтересованы, чтобы книгу читал Ханжа, а не Распутник, что противоречит заинтересованности Распутника в содержании книги.

Сен говорит, что и молчаливый сговор, по сути своеобразный *tacit collusion*, в котором Ханжа намеренно читает книгу, чтобы не дать ее прочесть Распутнику (то есть создаёт некоторую молчаливую систему взаимодействий, навсегда принимаемую другой стороной), не будет выходом из ситуации, не установит, заметим уже мы, оптимальное социальное взаимодействие. Здесь уже действует не структура борьбы за публичное присутствие или отсутствие книг, но структура самого чтения. Как только мы начинаем мыслить отношение Ханжи и Распутника в виде сговора (открытого или молчаливого, не так важно, – во всех случаях люди осознают, что находятся в ситуации сговора, даже если ни о чем не договариваются), сразу же открываются зияния внутри самого чтения. Например, Ханжа, купив книгу сам, чтобы она не досталась Распутнику, может ее просто пролистать,

может прочесть пару страниц, может открыть на первой попавшейся странице и возмутиться. Но и Распутник может, и, не читая книгу, догадываться о ее содержании и тем самым испытать хотя и не те аффекты, которые испытывает внимательный читатель, но аффекты, по силе сопоставимые с аффектами возмущенного Ханжи.

Таким образом, Амартия Сен в конце концов упирается в вопрос о природе чтения и говорит в финале своего рассуждения о двойственности желания: что желание фактическое, прочесть самому книгу или не допустить чтения книги другим, вовсе не требует желания заключения договора, т. е. принятия обязанностей, в которых эти желания будут исполнены автоматически. Дело в том, что фактическое желание, опять же добавим мы, вполне сценично, оно имеет в виду вполне театральные жесты, как и те аффекты, которые имеют в виду даже не столько наблюдателя, сколько ситуацию сцены. Этим оно отличается от желания заключить договор, которое имеет в виду только осознание ситуации договора и служит проекцией этого осознания.

Например, когда я говорю: «Я желаю прочесть книгу», я могу вести себя театрально в узком смысле, например, представлять себя в качестве образованного человека, каким я стану после прочтения книги, или представлять себя в качестве вольнодумного человека, которого книга укрепит в соответствующем поведении. Но я могу читать книги и без театральности в узком смысле, скажем, если чтение книг укоренено во мне, как привычка, или если чтение книг служит заранее известным мне задачам, которые я осознаю как социальные: например, преподавать по этим книгам или передавать знания из них следующим поколениям.

При этом театральность в широком смысле будет и при таком чтении хотя бы потому, что я появляюсь перед всеми и перед собой в роли читателя, и здесь как раз психоаналитическая риторика Кассен могла бы нам помочь перейти от рационального обоснования справедливости к риторическому ее же обоснованию. Когда я говорю: «Я желаю прочесть книгу», я могу иметь в виду исполнение обязанностей совершенно не сценическое, но при этом все равно я покажу желание как появившееся на социальной сцене и определившее конфигурацию этой сцены. Книжки там желают читать или передавать новым поколениям, где уже появилось это начальное желание вполне театральное в широком смысле, имеющее в виду публичный отчет о своих желаниях, даже если в качестве публики выступаешь ты сам.

Поэтому на самом деле проблема, которую ставит Амартия Сен, – это не проблема ожиданий Ханжи и Распутника от ситуации, не проблема постоянной отсрочки реализации желанной им ситуации, из-за чего справедливость их внутренних убеждений (осознание своих убеждений справедливыми) расходится со справедливостью реализации этих убеждений (осознанием того, что они справедливо реализованы на таком-то этапе типографского или цензурного обращения с книгой). Как раз эта отсрочка, которую имеет в виду Сен, видна как конфигурация, исходящая из конфигурации договора: в сравнении с ясностью договора, любые ожидания от своих или чужих желаний кажутся отсрочкой. Если мы вынесем договор за скобки, произведем, как говорят философы-феноменологи, «приостановку» этого договора, то мы не увидим никакой отсрочки, мы увидим только то, что сталкиваются различные понимания справедливости Ханжой и Распутником. В системе Сена, в отличие от системы Кассен, направленной на продуктивную критику политического

соблазна, феноменологической «приостановки» нет, есть только заранее известные механизмы желаний, прежде всего желания использовать ограниченный ресурс не только материальный, но и эмоциональный, что и приводит к такому конфликту желаний (тогда как в системе Кассен возможно коллективное согласование желаний).

Настоящая проблема – это как раз состав публики. Понятно, что и Ханжа, и Распутник нуждаются в публике, так как их амплуа опять же будут понятны только в зеркале восприятия их действий. Чтобы их намерения были восприняты как действия, в качестве публики прежде всего должны выступить они сами. Каждый из них должен посмотреть на себя как в зеркало, разглядеть свои намерения и одобрить их. Например, Ханжа должен разглядеть в себе намерение упорядочить мир, а Распутник – намерение упорядочить собственные страстные желания.

Но как только мы переходим от рассмотрения себя собой в качестве публики к рассмотрению себя настоящей публикой, здесь происходит переключение, потому что публика воспринимает Ханжу как борющегося со своими и чужими желаниями, а Распутника – как упорядочивающего мир наиболее простыми средствами, такими как вседозволенность. Тем самым, ситуация оказывается прямым зеркалом зеркала, то, как видят себя эти герои в зеркале самих себя, прямо противоположно тому, как они видятся в зеркале публики. Такие переворачивания нам хорошо известны в опыте социальной жизни: например, человек деятельный может быть охарактеризован как «карьерист», а человек инертный – как «благоразумный».

Собственно, Сен пишет на самом деле не о желании обеспечить определенную норму чтения, которое следует из того, что желание читать все люди в целом удовлетворяют, и в человеке пробуждается более сильное желание, более сильный эрос космического созидания. Ведь сам этот эрос по-разному существует в индивидуальном взгляде на себя и в публичном появлении перед зрителями. В индивидуальном взгляде на себя – это понимание своих ограничений, своей, говоря словами «Пира» Платона, «пении», бедности. Во взгляде публики на себя, наоборот, мы встречаем «порос», доход, избыток, т. е. публика именно что подозревает в актере некоторую неограниченность душевных ресурсов. И проблему Сен ставит поневоле такую, что невозможно найти этот момент перехода от «пении» к «поросу», от авторефлексии к социальной рефлексии, а значит соединить либерализм с функционализмом в виде Парето.

Но мы предполагаем, что такое соединение возможно, если мы обратимся к континентальной философии, а именно к пониманию фантазии в системе Б. Кассен. Согласно Кассен, само фантазийное имеет внутри себя идею роскоши, фантазии как избытка, как мы говорим «фантазия с подвывертом». Таким образом, не только человек, но и публика имеет возможность автокоммуникации, встречи с собой как субъектом такого фантазирования – так, всех людей манит роскошь, красота, блеск.

При этом фантазийное для взгляда извне реализуется как фантом, как призрак, и здесь мы уже должны допустить не коллективный взгляд на себя в зеркало, а «театр одного зрителя». Именно такой театр – психоанализ, где аналитик видит игру фантомов, но при этом единственным, кто регулирует принципы зрительского внимания, оказывается анализируемый. Аналитик может просто выносить за скобки это регулирование, рассматривая, какому симптому соответствует какой фантом мысли и речи анализируемого. Но аналитик всегда остается одиноким зрителем.

Поэтому вполне возможно допустить соединение либерализма и равновесия интересов по Парето, если допустить коллектив Ханжей и коллектив Распутников. Каждый такой коллектив будет регулировать сами принципы издания книг, например, указывать, когда книга заслужит рецензирование или критику. На смену одинокому кляузнику или вольнодумцу может прийти такой коллектив фантазийности, находящийся в книге блеск, занимательность, способность захватить человека и тем самым преодолеть обычные дисциплинарные рамки использования книги. Тогда, разумеется, в этой фантазийности будут вполне сбалансированы интересы тех и других – Ханжей и Распутников – без всякого сговора: просто и те, и другие смогут отстоять интересы самого производства, расширяющего себя за пределы привычных его использований.

Но также можно предположить не выступление перед публикой, но перед одним зрителем: им и оказывается сам автор спорной (соблазнительной, искусовой) книги. Понятно, что и Ханжа, желающий ограничить оборот книги, и Распутник, наоборот, создающий этот оборот, попадают в ловушку отдельных желаний автора: сам автор всегда недоволен книгой, но он же заинтересован в том, чтобы книга не столько обсуждалась, сколько просто ходила, чтобы находила читателей сейчас и в будущем. Таким образом, выход Ханжи и Распутника из ловушки – это обращение к самому автору, не в смысле общения с живым автором, но в смысле понимания, что кроме учтенных желаний есть и неучтенные желания автора. Таким желанием может быть, например, особая интерпретация, вроде того, как наша жизнь взывает к особой интерпретации на кушетке психоаналитика. Здесь тоже Ханжа и Распутник, не вступая в сговор, вполне могут добиться соблюдения интересов друг друга при реализации либерального идеала продуктивности интерпретаций для личной инициативы.

Таким образом, мы должны признать, что критика справедливости, основанная только на рационализации позиций агентов справедливости, не работает там, где есть принцип, релевантный как для единиц, так и для множеств в их взаимодействии, как принцип Парето. Эти единицы и множества будут тогда ускользать от фиксации, и мы действительно столкнемся с проблемой фиксации, а не проблемой действительного функционирования единиц. Тогда как в случае критики справедливости, основанной на социальных допущениях, таких как возможность коллективной автокоммуникации, и связанной с влиянием психоанализа на континентальную философию, мы можем преодолеть главные противоречия соединения либерализма и учения о равновесии.

Мы можем осуществить феноменологические процедуры и благодаря им вполне вернуть личный элемент свободы в мир, где мы разыграли спектакль противоречия интересов. Схема желаний, усиливающих и возбуждающих друг друга, тогда будет работать не на исчерпание ресурсов, как в модели Сена, а на их умножение, как в модели Кассен. Это принципиально для непротиворечивого решения вопроса о связи чтения, желания и публичного поведения, который уже не принадлежит области только этики.

Внутри такой выстроенной связки человека (читателя, автора, сценариста) – условие вхождения в общественно доступный институциональный комплекс. Желания и верования выстраивают модель ожидаемого от индивида поведения. Читатель согласует свое поведение с системой значений текста, в пределах которой организует опыт переживания

и всматривания в себя и оценивая наполненность / пустоту ожиданий. Взгляд внутрь себя – это проявление творческой справедливости, которая представляет из себя не просто систему ожиданий и их исполнения, но и систему актуальных переживаний.

В процессе автокоммуникации читатель сталкивается с тайной, глядя на себя глазами автора. Образ зеркала, который здесь более всего уместен, позволяет читателю развить актуальную отражательную способность, преодолев оптическую ограниченность человеческого глаза, приоткрывая невидимое, потаенное, скрытое, желаемое, интимное, возможно, постыдное, то, что приносит удовольствие. Справедливость связана с нормой, мерой. Это мерка заслуженного и ожидаемого снабжения, которая открывает горизонт видения с новым опытом проживания и переживания жизненного мира. Это новая эгология (ego- logos-), где созерцание себя возможно в области имманентных данных сознания, где метафизические и онтологические основания справедливости и ее осознания скрываются в области внутренних гносеологических структур. В утробе осознания зачинается мир удовольствия.

Любое удовольствие, как и роскошь, фантазия, избыточно и излишне. Оно переполняет края стакана и красиво проливается на скатерть, становясь литературной или кинематографической метафорой, эстетическим удовольствием, наполняющим тело читателя физиологической радостью. Это и есть избыточная коммуникация, которая расширяет понятия ответственности и справедливости, объединяя либерализм юридически выверенной политики и функционализм в версии Парето.

Список литературы / References

Европейский словарь философий. Лексикон непереводимостей. (2015). Ред. Б. Кассен. Киев: Дух і літера.

Cassin, B. (ed.). (2015). *Dictionary of untranslatables.* Kyiv. (In Russ.)

Кассен, Б. (2000). *Эффект софистики.* М.-СПб.: Московский философский фонд Университетская книга, Культурная инициатива.

Cassin, B. (2000). *L'effet sophistique.* Moscow; St. Petersburg. (In Russ.)

Нуссбаум, М. (2014). *Не прибыли ради. Зачем демократам нужны гуманитарные науки.* М.: Высшая школа экономики (Государственный университет).

Nussbaum, M. (2014). *Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities.* Moscow. (In Russ.)

Нуссбаум, М. (2023). *Политические эмоции. Почему любовь важна для справедливости.* М.: Новое литературное обозрение.

Nussbaum, M. (2023). *Political Emotions: Why Love Matters for Justice.* Moscow. (In Russ.)

Сен, А. К. (2004). *Развитие как свобода.* М.: Новое издательство.

Sen, A. K. (2004). *Development as Freedom.* Moscow. (in Russ.)

Сен, А. К. (2016). *Идея справедливости*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Sen, A. K. (2016). *The idea of justice*. Moscow. (In Russ.)

Anderson, E. (2005). Critical Notice of Amartya Sen, "Rationality and Freedom". *The Philosophical Review*. Vol. 114. No. 2. Pp. 253-271.

Meeks, J. G. (2017). Amartya Sen (1933–). *The Palgrave Companion to Cambridge Economics*. Pp. 1045-1077.

Sen, A. (2009). *The idea of justice*. The Belknap Press of Harvard University Press Cambridge, Massachusetts.

Yamamori, T. (2018). The concept of need in Amartya Sen: commentary to the expanded edition of *Collective Choice and Social Welfare*. *Ethics and Social Welfare*. Vol. 12. No. 4. Pp. 387-392.

Сведения об авторах / Information about the authors

Марков Александр Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, ул. Чайнова, 15, e-mail: markovius@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Штайн (Братина) Оксана Александровна – кандидат философских наук, доцент департамента философии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, e-mail: shtaynshtayn@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

Статья поступила в редакцию: 23.12.2023

После доработки: 20.02.2024

Принята к публикации: 11.03.2024

Markov Alexander – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Chayanova St., 15, e-mail: markovius@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6874-1073>.

Shtayn Oksana – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor Department of Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Lenin Avenue, 51, e-mail: shtaynshtayn@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0004-1701-3147>.

The paper was submitted: 23.12.2023

Received after reworking: 20.02.2024

Accepted for publication: 11.03.2024